

И. ДУИЧЕВ

Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного*

Долгое время после падения Византии во время турецкого владычества византийское культурное наследие продолжало жить с особенной силой и широтой в русских землях. Поэтому-то несколько не удивительно, что один из русских государей, а именно Иван Васильевич Грозный (1533—1584), обнаружил поразительные знания в византийской истории и литературе: его послания¹ наполнены реминисценциями Византии. В обобщающей, сжатой характеристике Ивана Грозного как писателя Д. С. Лихачев совершенно правильно отметил широкие культурные интересы и образованность русского царя: «Нельзя думать, — пишет он,² — что Грозный нарушал современные ему литературные каноны „по невежеству“, как изображал это его противник князь Курбский. Грозный был одним из образованнейших людей своего времени. По свидетельству венецианца Фоскарини, Грозный читал „много историю Римского и других государств... и взял себе в образец великих римлян“. Грозный заказывал перевести Историю Тита Ливия, биографии цезарей Светония, Кодекс Юстиниана. В его сочинениях встречается множество ссылок на произведения древней русской литературы. Он приводит наизусть библейские тексты, места из хронографов и из русских летописей, знал летописи польские и литовские. Он цитировал наизусть целыми „паремиями и посланиями“... он читал „Хронику“ Мартина Бельского... По списку Библии, сообщенному Грозным через Михаила Гарабурду князю Острожскому, была напечатана так называемая Острожская библия — первый в славянских странах полный перевод Библии. Он знал „Повесть о разорении Иерусалима“ Иосифа Флавия, философскую Диоптру и др.». Эту верную характеристику можно было бы дополнить и другими примерами, которые свидетельствуют о широкой начитанности в области византийской истории и литературы. Византолог с удивлением мог бы обнаружить в посланиях Грозного ряд очень интересных упоминаний фактов византийской истории. Комментируя эти места посланий Ивана Грозного, Я. С. Лурье³ определил, к каким историческим личностям относятся некоторые упоминания Грозного, и уточнил хронологию. Реминисценции из византийской истории и литературы в посланиях русского царя заслуживают, однако, глубокого и специального изучения, опыт которого и представляет данная статья. Эти упоминания, рассмотренные систематично и подробно, могут раскрыть с особой ясностью редкую начитанность этого крупного исторического деятеля.

* Перевод с болгарского О. Ф. Коноваловой. (Ред.).

¹ См.: Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. Под ред. чл.-к.срр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»). (Далее: Послания).

² Д. С. Лихачев. Иван Грозный писатель. — Послания, стр. 455.

³ Я. С. Лурье. Комментарии. — Послания, стр. 583, сл.

Обращает на себя внимание прежде всего то, что Иван Грозный обладал познаниями во всей византийской истории — от начальных веков вплоть до падения Византийской империи под ударами турок в 1453 г. Правда, он использовал примеры из истории Византии с учетом строго определенных своих целей, но даже и этих его отрывочных указаний достаточно, для того чтобы показать широту и точность его знаний. Намеками на историю Византии пестрят многие из его посланий, которые лучше всего показывают, насколько хорошо он знал прошлое Византийской империи. В знаменитом первом послании князю Андрею Курбскому русский царь дает нам общее толкование хода истории Византийской империи, а это показывает, что он как властитель поднимавшегося тогда русского государства глубоко задумывался над причинами величия и падения Византии. Все это ясно говорит о том, что у Ивана Грозного были не отрывочные и разрозненные, а стройные и упорядоченные знания из прошлого Византии.

Хронологический диапазон познаний Ивана Грозного в области римской и византийской истории чрезвычайно широк. Так, в одном месте послания к Курбскому он обращается к истории древней Трои: «И сия вся явлена суть, — пишет он, — яже от тебе сильных нарицаемым и воеводам мучеником, аще кая прилична им суть истинною, а не яко же ты, подобно Антеру и Еней, предателем Троянским, много соткав, лжеши...»⁴ Как уже отмечалось,⁵ здесь Иван Грозный имел в виду героев Троянской войны Антенора и Енея, следуя в оценке их деятельности более поздней традиции. В нескольких местах в посланиях Ивана Грозного упоминается римский император Август (63 г. до н. э.—14 г. н. э.). Написанное об этом римском императоре в целом соответствует исторической действительности, но вместе с тем есть и некоторые утверждения, которые почерпнуты из более поздних легендарно-исторических источников. «Како убо Август кесарь всею вселенъною обладаше: Аламаниею и Долматиею и вся Италиския места, и готфы и савръматы, и Афинею, и Сириею, и Киликеею, и Ассеею, и Азею,⁶ и Междоречием, и Каппадокийскими странами, и Домаском градом, и божиим градом Иерусалимом, и Александрею и Египетскою власть, даже и до Перския державы; вся сия под единою державою бяху много лета...»⁷ Если исключить некоторые отдельные анахронизмы, этот отрывок из послания Ивана Грозного правильно очерчивает границы Римской империи во времена императора Октавиана Августа. Однако понятно и вполне объяснимо, что в нескольких местах своего послания русский государь пытался соединить свою родословную, вернее родословную русских царей, с родом императора Августа. «А что писал еси о Римского царства печати, и у нас своя печать от прародителей наших, а и римская печать нам не дико: мы от Августа Кесаря родством ведемся», — пишет он во втором послании 1573 г. к шведскому королю Иоганну III.⁸ В послании князю Александру Полубенскому 1577 г. он сообщает еще больше сведений о предполагаемом римском происхождении первых русских владетелей: «Тажь по благоволению в троицы славимого бога в Росийской земле воздвижеса царствие сице... еже Август кесарь римский, обладай всею вселенною, постави брата своего Пруса, иже вышешепоманутый. И живоначалные троицы десницею и милостию воздвижеса царьство в Руси сице: под Пруса четвертое надесять колено Рюрик прииде

⁴ Послания, стр. 43, 103; в тексте в «Сборнике Курбского»: Ангенору, вероятно вместо правильного Антенору.

⁵ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 600.

⁶ Об этих двух именах см.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 589, 644, сл.

⁷ Послания, стр. 23—24, ср. стр. 85 и др.

⁸ Послания, стр. 158.

нача княжити в Русии и в Новегороде».⁹ Эта мысль повторяется и в послании к императору Сигизмунду II в 1567 г.¹⁰ Можно было смело сказать, что истолкование этой старой легенды, происхождение которой остается до сих пор не вполне выясненным,¹¹ является действительно одним из редких решительных отклонений Ивана Грозного от исторической правды. Между прочим некоторые сербские родословные и летописи связывали роды сербских царей с позднеримской эпохой и сообщали, что римский император Лициний (307—324) был сербом по происхождению («глаголють истинны съписателіе, іко Ликиню сръбину быти родомъ»), что сын Лициния, рожденный сестрой Константина Констанцией, носил имя Бела Урош, наконец, что сербский великий жупан Стефан Неман Первоуенчаный (1198—1228), будучи родственником Константина Хлора (305—306), происходил от рода императора Августа («бысть же великий жуопанъ Неманіа отъ племенѣ благочѣстиваго корѣнѣ вѣтвь, прѣвьноукъ Коньстантьіе сестрѣ цара Коньстантьіна Зеленаго одѣ дѣштере Клавдиіеве, отъ племенѣ рашкааго господьства и сродьства Авгоустоу кіесароу, при ніемъ же роди се господь нашъ Исоусъ Христось»)).¹²

Попытки связать с далеким прошлым происхождение династии встречаются также и в Болгарии. Так, в известном Именнике первых болгарских ханов¹³ на первое место поставлены имена Авитохоло и Ирника. Это говорит о том, что среди болгар во второй половине VIII в. (так предположительно датируется окончательная редакция этого важного исторического источника) было стремление связать происхождение династии первых болгарских владетелей с именем Авитохоло-Атилла и его любимым сыном Ирником. В начале XIII в., во времена царя Калояна (1197—1207), распространялся слух о том, что первые владетели возрожденной болгарской державы Асенеи происходили из благородного рода города Рима и именно там получили свое благородство. В конце декабря 1199 г. или в первые два месяца 1200 г. папа Иннокентий III в связи с этим писал царю Калояну: «nos autem, audito quod de nobili urbis Romae prosapia progenitores tui originem traxerint, et tu ab eio et sanguinis generositatem contraxeris. . .»¹⁴ В болгарском средневековье, следовательно, была двойная тенденция: во время первого царства связывать род владетелей с родом Атиаллы, а в начале второго болгарского царства род Асенеи с древним Римом. В Византии можно указать достаточно попыток, произведенных в этом направлении. Так, об императоре Василии I Македонце было распространено мнение, что он со стороны матери был связан с родом императора Константина Великого.¹⁵ По словам другого византийского писателя, византийский император Никифор Вотаниат (1078—1081) происходил из знатного римского рода Фабиев.¹⁶ Писатель Михаил Аталиат¹⁷

⁹ Послания, стр. 200, 201.

¹⁰ Послания, стр. 260.

¹¹ См. указания у Я. С. Лурье (Комментарии, стр. 629—630).

¹² См.: Л. Стојановић, Српски родослови и летописи. Гласник Српског уч. др. LIII. 1884, стр. 23, 24 и сл., 29 и сл., 44, 48 и др.

¹³ См. тексты: А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, т. I. М., 1866, стр. 25—27. Новый список дан у М. Н. Тихомирова (Именник болгарских князей. — Вестник древней истории, 1946, кн. 3, стр. 81—90). Ср. еще: Ив. Дуйчев. Из старата българска книжина, 1. София, 1943, стр. VII—VIII, 1—2, 162—165, а также: Преглед на българската историография. Jugoslav, istor. časopis, IV, 1938, стр. 41—42.

¹⁴ См.: Ив. Дуйчев. Преписката на папа Иннокентий III с българите. Увод, текст и бежежки. — Годишник на Соф. ун-т, ист.-филол. фак., XXXVIII, 3, 1942, стр. 21, ср. стр. 79.

¹⁵ Theophanes Continuatus, ed. B., стр. 212, 18 и сл., стр. 216, 2 и сл.

¹⁶ J. Scylitzes—G. Cedrenus, Hist. comp., II, ed. B., стр. 726, 17 и сл.

¹⁷ M. Attaliates. Historia, ed. B., стр. 216, 20 и сл.

добавляет, что на основе какой-то «древней книги» установлено, что род Фабиев, от которого происходил упомянутый император, был переселен в Царьград во времена императора Константина Великого. Существовало мнение, что византийский император Анастасий (491—518) происходил из рода римского полководца Помпея.¹⁸ О знаменитом византийском роде Мелисины сообщалось, что он был связан с римлянином Салустием.¹⁹ Эти примеры, которые легко могли бы быть умножены, достаточно объясняют и можно сказать полностью оправдывают попытки Ивана Грозного найти связи рода русских владетелей с древним Римом. Поиски далеких и, в сущности, фиктивных связей между русским царским родом и прославленным римским императором не являлись суетным стремлением к самовосхвалению и возвеличиванию собственной династии, но служили для утверждения самой русской державы в период ее бурного роста и усиления.

Имя римского императора Константина Великого (306—337) упоминается многократно в посланиях Ивана Грозного.²⁰ Русский царь вспоминает Константина I прежде всего как первого римского императора-христианина и, во-вторых, обращает внимание на то, что Константин I в интересах государства погубил собственного сына Криспа в 326 г. «Вспомяни же, — пишет он Курбскому,²¹ — и во царех великого Констянтина: како, царьство ради, сына своего, рожденнаго от себе, убил ешь!» Кроме того, в некоторых местах посланий упомянуто имя соимператора Константина, а затем противника его, Максенция (306—312). Так, во втором послании князю Курбскому Иван Грозный намекает на поражение Максенция в 312 г. при Понте Мильвио от войск Константина Великого.²² В связи с борьбой между двумя императорами Ивану Грозному была хорошо известна легенда о появлении крестного знака как знамени, которое предвещало победу Константина Великого.²³ В послании к Полубенскому²⁴ говорится об антихристианских гонениях в Римской империи во времена Максенция: «И от Августова царства в Риме даже до лет Максентия и Максимиана Галера сие гонение бысть на христианы». Впрочем, здесь упомянуто имя другого римского императора Галерия Максимиана (305—311), который был известен своими гонениями христиан. Из истории Восточной Римской империи конца IV—начала V в. Иван Грозный знал, как видно, хорошо и, вероятно, главным образом на основе жития царьградского патриарха Иоанна Златоуста (398—404),²⁵ а возможно и по другим историческим источникам, о борьбе между женой императора Аркадия (395—408) Евдоксией и императорским фаворитом Евтропием, сосланным в 399 г. на заточение и позднее погубленным.²⁶ Замечательно, что в распрах между Иваном Грозным и его политическими противниками царица Анастасия уподоблялась развратной и легкомысленной Евдоксии, а Иван Грозный, отводя подобное обвинение, сравнивал князя Курбского с евнухом Евтропием.²⁷ Может быть, этот обмен оскорблениями между политиче-

¹⁸ *Antologia Palatina*, ed. Waltz, стр. 78, 14: II, vers. 398 и сл.

¹⁹ G. Phrantzes, ed. J. B. Papadopoulos, стр. XXVIII, XXX.

²⁰ Послания, стр. 9, 45, 71, 231, 180.

²¹ Послания, стр. 19, 81, 137; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 589.

²² Послания, стр. 209, 211, 236.

²³ Об этой легенде см.: Eusebius Pamphili. *Historia ecclesiastica*: Migne, P. Gr. XX (1857), стлб. 952 и сл.; Gelasius. *Kirchengeschichte*. Leipzig, 1918, стр. 8 и сл.; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 652.

²⁴ Послания, стр. 200.

²⁵ Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 606. Отрывки из славянского перевода ср. у В. Г. Васильевского (Труды, III, Пгр., 1915, стр. ССXL и сл.). В византийской литературе существовало несколько житий Иоанна Златоуста.

²⁶ Послания, стр. 54, 59, 118, 167.

²⁷ Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 606, 609.

скими противниками лучше всего показывает нам, насколько хорошо была известна история Византийской империи, раз даже небольшой намек на исторические личности воспринимался как тяжкое оскорбление. Показательны в этом отношении также обвинения, которые Иван Грозный возводил на князя Андрея Курбского, которого он сравнивал с императором-иконоборцем VIII и IX вв.: «бывшему прежде прославному истинному христианству и нашего самодержавия боярину и советнику и воеводе, ныне же крестопреступнику честного и животворящего креста господня, и губителю хрестыанскому и ко врагом хрестыанским слугатою, отступльшим божественнаго иконнаго поклонения и поправшим вся божественная священная повеления, и святыя храмы разорившим, осквернившим и поправшим священныя сосуды и образы, яко же Исавр, и Гноетезный, Арменин, сим всем соединителю — князю Андрею Михайловичу Курбскому...»²⁸ Сравнения с иконоборцами встречаются и в других посланиях Ивана Грозного. Так, в послании в Кирилло-Белозерский монастырь от 1573 г. Иван Грозный пишет: «А вся та слабость от начала учинилася от Василия от Шереметева подобно иконоборцом в Цариграде, царем Льву Исавру и сыну его Константину Гноетезному. Понеже Лев точию семена злочестия посея, Константин же всего царствующаго града во всяком благочестии помрачи...»²⁹ В послании к Полубенскому читаем: «Ино тричисленного божества и пречистыя богородицы милость и всех святых его молитвы и иконного поклоняния крепость вас иконоборцов посрамя, а нашу древнюю отчину к нам возврати, а ваша надежда — Крон и Зевс и инии... ни во что же бысть».³⁰ О том, насколько известны были эти имена из истории Византии VIII и IX вв. Ивану Грозному и тем, с кем он переписывался, можно судить по тому обстоятельству, что он считал вполне достаточным, обвиняя своих противников, только намекать на имена: вместо того чтобы точно назвать имя первого императора иконоборца Льва III Исавра (717—741), он попросту именуется его в послании к Курбскому Исавром; вместо имени Константина V Копронима (741—775) он употребляет прозвище «Гноетезный», а императора Льва V (813—820) называет Арменином. История Византии использовалась так живо и непосредственно именно потому, что была известна и близка.

Послания содержат также некоторые реминисценции и из истории Византии IX в. Эти упоминания подтверждают, насколько хорошо были известны даже по существу незначительные исторические подробности. Так, в послании в Кирилло-Белозерский монастырь говорится: «А Игнатия блаженнаго патриарха Цариграда, царева же сына бывша, его же в заточении замучи Варда Кесарь, обличения ради, подобно Крестителю, понеже бо той Варда живяше с сыновнею женою...»³¹ Как уже подчеркивалось,³² здесь идет речь о цареградском патриархе Игнатии (847—888), который возглавлял цареградскую церковь дважды, а именно с июня 847 г. по 23 ноября 848 г. и с 23 ноября 867 г. по 23 октября 878 г. Известно, что патриарх Игнатий, светское имя которого Никита, был сыном императора Михаила I Рангаве (811—813) и Прокопии, дочери императора Никифора I (802—811). В праздник Богоявления 858 г. патриарх Игнатий отказал в причастии кесарю Варда по той причине, что тот будто бы имел любовную связь со своей снохой. Вследствие вспыхнувшего конфликта

²⁸ Послания, стр. 10, 72, 125 и сл.; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 583, 637.

²⁹ Послания, стр. 176.

³⁰ Послания, стр. 203. Намеки на древнегреческое языческое божество Кронос см там же, стр. 61, 123, 210; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 610.

³¹ Послания, стр. 174, 175.

³² Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 636.

между всеильным кесарем и патриархом Игнатий был низложен, подвергнут жестокому мучениям и отправлен в заточение.³³ Оценивая историческую точность сочинений Ивана Грозного, строгий ученый мог бы его обвинить единственно в том, что Грозный полностью принял слухи о прелюбодеянии кесаря Варды. В современной научной литературе по этому поводу высказаны основательные сомнения.³⁴ Однако требовать от Ивана Грозного обратного значило бы требовать нечто невозможное. Русский царь полностью сохранял историческую правду в том виде, в каком он мог узнать ее из имевшихся в то время исторических источников.

Приведенный случай конфликта между патриархом Игнатием и кесарем Вардой использован Иваном Грозным в качестве иллюстрации отношений между светской и церковной властью в Византийской империи.

Как видно, события, связанные с большой аваро-славянской осадой Царьграда в 626 г.,³⁵ были хорошо известны Ивану Грозному. В послании к Стефану Баторию 1581 г. он, между прочим, пишет: «...фалишься яко Амалик и Сенахирим или якож при Хоздрое Сарвар воевода, хваляся на царствующий град глаголет: „не блазнитесь убо о бозе, в онъже веруете, утре бо град ваш, яко птицу, рукою моею возму“...»³⁶ В послании же к Ходкевичу сказано: «Сие же государь ваш и вы, последствуя дияволу, подобно Сенахириму и Навходносору и Хоздрою и иным безбожным царем, яко птицу рукою своею хотите похитити православые...»³⁷

Итак, русский царь здесь упоминает имена персидского царя Хозроя II Парвиза (590—628) и его полководца Сарвараза (Шахрбараза). Представляет интерес далее то, что Иван Грозный пишет в первом послании к Курбскому: «Како же, собака, и того не разсудишь, како трие патриархи собравшася со множеством святителей к нечестивому Феофилу царю, и многосложный свиток послаша, и таковая хуления, яко ж ты, не писаша, аще нечестив бяше царь Феофил».³⁸ Послание, на которое намекает Иван Грозный, — хорошо известный книжный памятник: это послание александрийский патриарх Христофор (умер в 836 г.), антиохийский патриарх Иов и иерусалимский патриарх Василий направили византийскому императору Феофилу (829—842) с просьбой отказаться от иконоборчества.³⁹ Послание, известное в двух различных греческих редакциях, было очень рано переведено на славянский язык,⁴⁰ и, таким образом, Иван Грозный мог

³³ См. житие патриарха Игнатия, написанное Никитой Давидом Пафлагонским: *Migne, P. Gr., CV, стлб. 487—553*. В научной литературе существует спор относительно авторства памятника; см.: А. П. Керамевс. *Византийский временник*, VI, 1—2, 1899, стр. 13—38; В. Г. Васильевский. *В защиту подлинности жития патриарха Игнатия и принадлежности его современному автору — Никите Пафлагону*. — Там же, стр. 39—56; другие указания см.: Ив. Дуйчев. *Списание на Българската Акад. наук*, LIV, 1936, стр. 154, сл.

³⁴ Общие сведения см.: Fr. Dvornik. 1) *Les Légendes de Constantin et de Méthode vives de Byzance*. Prague, 1933, стр. 139 и сл.; 2) *The Photian Schism. History and Legend*. Cambridge, 1948, стр. 17 и сл., 33 и сл.; G. Evely. *The Byzantine Patriarchate 451—1204*. London (1947), стр. 117 и сл.

³⁵ Об этих событиях имеется значительная литература. См. главное: Е. Тевяшов. *Осада Константинополя аварами и славянами в 626 г.* — *ЖМНП*, т. 52, 1914, стр. 229—235; Ю. Кулаковский. *История Византии*, III. Киев, 1915, стр. 79—87; Ф. И. Успенский. *История Византийской империи*, I. СПб., 1913, стр. 690—697; Fr. Varišić. *Le siège de Constantinople par les Avars et les Slaves en 626*. — *Byzantion*, XXIV, 1954, стр. 371—395.

³⁶ *Послания*, стр. 236; ср.: Я. С. Лурье. *Комментарии*, стр. 668.

³⁷ *Послания*, стр. 271; ср.: Я. С. Лурье. *Комментарии*, стр. 676.

³⁸ *Послания*, стр. 51—52.

³⁹ О памятнике см.: K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Litteratur*. Leipzig, 1897, стр. 166, § 3; G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*, München, 1952, стр. 121, прим. 6; *Migne, P. Gr. XCV, стлб. 343—385*.

⁴⁰ См. указания у Я. С. Лурье (*Комментарии*, стр. 605).

ознакомиться с его содержанием. И если в данном случае русский царь почерпнул факты из сравнительно редкого литературного источника, то его сведения об отношениях киевского князя Игоря с Византией имеют чисто легендарный характер: «Игор преселися на Киев и тамо царьствия скифетры Росии положи, и на Греках дань емляше и в Переславце Дунай-стем живяше, иже есть Бен и Ведна...»⁴¹ Я. С. Лурье⁴² правильно отметил, что в этом месте «возможна какая-то порча текста» и что, в сущности, автор послания «упоминал или собирался упоминать Святослава».

Действительно, написанное очень близко напоминает некоторые места из ПВЛ, касающиеся похода киевского князя Святослава в болгарские земли в 869—872 гг. Так, там под 6475 г. сказано: «Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемся обоимъ, одолъ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, и съде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грѣцѣхъ».⁴³ В письме Святослава к княгине Ольге, помещенном в летописи под 6477 г., сказано между прочим: «Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей».⁴⁴ Очевидно, в тексте послания Ивана Грозного имеется известная контаминация сведений из русской летописи о князе Игоре и его сыне Святославе. Неясными остаются слова «иже есть Бен и Ведна». Может быть, следует истолковать еще одно имя, например Бениведна? В этом случае это имя следовало бы толковать как второе название Переяславца. Вопрос остается открытым. Отождествление Переяславца и точная локализация, относительно которой все еще идут споры в научной литературе, вероятно, помогут разгадке этой части послания Ивана Грозного.

Из истории XII в. Грозный упоминает один момент, который связан с русско-византийскими отношениями. Так, называя имя князя Владимира Мономаха (1113—1125), Иван Грозный добавляет: «... иже от грек достойнейшую честь восприемшему...»⁴⁵ В послании к Полубенскому эта мысль выражена еще яснее: «великого царя и великого князя Владимера Мономаха, иже на Фракею Царяграда воевавшего и царьский венец и имя приобете царьствия (от царя Константина, иже тогда во Цареграде царствующего сия приемлет)».⁴⁶ В этих сведениях отразились не реальные исторические отношения русской державой и Византийской империей в первой половине XII в.,⁴⁷ а одна поздняя легенда,⁴⁸ по которой упомянутый киевский князь получил как царскую корону, так и само имя от византийского императора Константина IX Мономаха. Мы не можем в этом случае (даже в самой малой степени) винить Ивана Грозного за искажение исторической правды: эта легенда могла только подтвердить необходимость самодержавия на Руси. Из истории поздней Византийской империи Иван Грозный привел лишь несколько отрывочных сведений. Так, в послании к польскому королю Стефану Баторию он кратко упоминает известный Ферарско-флорентийский собор 1439 г.: «а коли собор был

⁴¹ Послания, стр. 201.

⁴² См.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 645.

⁴³ См.: Повесть временных лет, т. 1. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианов-сей-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 47; ср.: В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, I, 2. София, 1927, стр. 573, сл.

⁴⁴ ПВЛ, т. 1, стр. 48.

⁴⁵ Послания, стр. 9, 71, 125.

⁴⁶ Послания, стр. 202.

⁴⁷ Подробности см., например: М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 437, 476, сл.; G. Vernadskij. Relations byzantino-russes au XII siecle. — Byzantion, IV, 1929, стр. 269—276.

⁴⁸ См. у А. С. Орлова (Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 44, сл.), а также у Я. С. Лурье (Комментарии, стр. 645, 534).

в Риме при Евгеньи папе Римском, от создания миру в лето шестытысечное девятьсот чотыридесят семое и тогды был на том соборе греческий царь Цариграда Иван Мануйлович, а с ним патрреарх Цараградский Иосиф (на том его соборе и не стало), а из Руси был тогды Исидор митрополит; и уложили на том соборе, что однако быти греческой вере и з римскою». ⁴⁹ Здесь упоминаются некоторые хорошо известные исторические личности: византийский император Иоан VIII Палеолог (1425—1448), сын императора Манула II Палеолога (1391—1425), названный по русскому обычаю «Иваном Мануйловичем», затем царьградский патриарх Иосиф (Иосиф II, управлявший цареградской патриархией с 21 мая 1416 г. по 10 июня 1439 г.), римский папа Евгений IV (1431—1439) и, наконец, киевский митрополит Исидор, позднее смещенный из-за его симпатий к римской церкви. Насколько хорошо был осведомлен Иван Грозный о составе цареградского представительства на соборе и о его судьбе, видно, между прочим, из того обстоятельства, что упоминая имя цареградского патриарха Иосифа, он добавляет о смерти патриарха во время собора («на том его соборе и не стало»). Действительно, патриарх Иосиф умер 10 июня 1439 г., почти за месяц до провозглашения унии между Восточной и Западной церквями.

В первом послании Ивана Грозного князю Курбскому содержится довольно длинный абзац, относящийся к византийской истории в целом. Подвергая острой критике теократизм, Иван Грозный объясняет поражение Византии турками как результат теократического управления и сепаратизма управителей: «Или мниши сие быти светлость благочестива, еже обладатися царьству от попа невежи, от злодейственных и изменных человек, и царю повелеваему быти? — пишет он своему противнику. — И сие ли супротивно разума и совесть прокаженна, еже невежу взустити и злодейственных человек возразити от бога данному царю воцаритися? Нигде же обрящещи, еже не разоритися царству, еже от попов владому. Ты же убо почто ревнуеши — иже во грехех царствии погубивших и турком повинувшимся?..» ⁵⁰

Таким образом, он приходит к выводу о несовместимости царской власти с властью духовенства: «Видиши ли, яко священство и рядничество царским владателем не прилично?» Русский властитель противопоставляет самодержца духовенству и прочим стремящимся к власти «правителям», т. е. аристократии, боярству и феодальным властелинам. Строгое централизованное управление и самодержавие обеспечивало силу и незыблемость государства, в то время как борьба духовенства и боярства за власть и разъединение стали причиной упадка и даже гибели государства. Чтобы подкрепить свою идею, Иван Грозный сделал, хотя и сжато, обзор всей истории Римской и Византийской империй. Упоминая об обширных границах Римской империи времен Августа, Иван Грозный добавляет, что империя находилась под единой властью много лет, вплоть до времен Константина Великого: «вся сия под единою державою бяху много лета, даже и до первого во благочестии и великаго Константина Флава». ⁵¹ Разъединение империи между тремя сыновьями Константина Великого, а именно, что Константин (умер в 340 г.) правил Галией и Испанией, Констанций (умер в 361 г.) правил восточными провинциями империи и Фракией, Констанс (умер в 350 г.) правил Италией и западными территориями Балканского полуострова, считается причиной наступления упадка.

⁴⁹ Послания, стр. 229.

⁵⁰ Послания, стр. 22.

⁵¹ Послания, стр. 23—24, ср. стр. 85.

«И после его, — пишет Иван Грозный, — чяда его разделиша власть: Константин убо во Цареграде,⁵² Константинъ же в Риме, Конста же в Долматии. И оттоле убо начя греческая власть делитися и скудость примати».

Время императора Маркиана (450 — 457), первого императора, получившего императорскую корону из рук царьградского патриарха, и Льва I (457—474), когда утверждалось вандальское королевство Гейзериха (Гензериха), взявшего в 455 г. Рим, является эпохой упадка империи вследствие внутренней борьбы за власть и наступившего разделения. «И паки, во царство Маркиане, во Италии мнози князи, от мест блюстителю, востаха, подобно вашему злобесному умышлению, во царство Лава Великого и обладаша койждо своими месты, яко же во Африкии Зинзирих рига и ины многи. И оттоле убо всяко строение царствия Греческаго преста: токмо убо упражняхуся на власти и чести и богатства, и междуособными браньми разлевахуся».⁵³

Новым периодом упадка Восточной Римской империи является время императора Анастасия I (491—518), когда персы овладевают некоторыми из восточных провинций, а в балканских землях вспыхивает бунт полководца Виталиана.⁵⁴ Следовало бы отметить, что Ивану Грозному известно прозвище императора «Дикор» и еще то, что он родился в городе Дирахуме, поэтому и называет его «Драчянином». Без всяких объяснений, умалчивая о значительном периоде истории Византии, русский властитель отмечает, что во время императора Маврикия (582—602) наступил новый упадок империи: «также же при Маврикии велми оскуде греческая власть». Действительно, время правления Маврикия отмечено продолжительной изнурительной войной Византии с Персией, а также со славянами и аварами, вследствие чего на балканских территориях прочно заселяются славянские племена.

Не совсем точно, однако, сведение Ивана Грозного о том, что персидский царь Хозрой овладел Фракией во времена «Фоки мучителя», т. е. узурпатора Фоки (602—610). Очевидно, он поторопился обобщить сведения своего источника, где и прочитал, по всей вероятности, что в это время авары занимали и опустошали Фракию, а персидские войска господствовали в малоазийских областях вплоть до окрестностей столицы. Время императора Ираклия (610—641) обрисовано чрезвычайно черными красками.

Тяжелое положение, в котором Ираклий застал империю в 610 г., недвусмысленно подчеркнуто в наших исторических источниках. Свидетельством могут служить хотя бы те строки из старославянского перевода хроники Симеона Логофета, где о начале правления Ираклия говорится: «Авари же, мирныя устави разорше, къ стѣнѣ византистѣи придошѣ, въсѣ сѣщаа въ нѣяду града огневи прѣдашѣще. И яко разделишеся на двое, Персы убо яже на вѣстоцѣ триаху, Авари же Фраческаа въсѣ погубишѣ . . .»⁵⁵

В сущности, тяжелое положение империи этого времени следует отнести в основном за счет нападений персов, аваров и славян, а в конце правления — Ираклия и арабов. Внутри империи разгорелась религиозная борьба

⁵² Послания, стр. 24. Указание неточно: Константин управлял в Риме, Констанций — в Цареграде.

⁵³ Послания, стр. 24; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 589.

⁵⁴ Об этом бунте см. подробности у Ю. Кулаковского (История Византии, I. Киев, 1913, стр. 508 и сл.) и у Ф. И. Успенского (История Византийской империи, I, стр. 347 и сл.).

⁵⁵ Симеон Метафраст и Логофет. Описание мира от бытия. Славянский перевод хроники Симеона Логофета. СПб., 1905, стр. 66.

между сторонниками монофизитизма и монофелизма, а позже споры о считавшейся незаконной женитьбе императора на своей племяннице Мартине. Известна также ссора императора со стратегом Криспом. Вообще говоря, написанное Иваном Грозным не отвечает исторической истине, а скорее является преувеличенным пояснением к его главной идее об упадке государства из-за внутренних раздоров духовенства и бояр. С той же тенденцией написано и о времени императора Юстиниана II Ринотмета (685—695, 705—711): «Во царьство Иустина Корноносаго болми от варвар греки побеждени быша и множество воин побиени быша. Тогда убо болгарская вера и власть особь учиняшеся — епархом и суглиту и всем властелем не престающим о властех меж собя ратоватися, и вся хотения своя улучшившим во градех и во властех и имениях и богатствах. . .»⁵⁶ Среди намеков на борьбу в это время империи с «варварами» следовало бы встретить указание на войну Византии с болгарами, македонскими славянами (поход в 688 г.) и с арабами. Известно,⁵⁷ что осенью 704 г. изгнанный в Херсонес бывший император Юстиниан II явился к болгарскому хану Тервелю просить у него помощи, необходимой для возвращения себе власти. Когда весной 705 г. низложенный император с помощью болгарских войск действительно овладел престолом, болгары во главе с Тервелем были щедро вознаграждены: хан получил титул кесаря, богатые дары и почести со стороны императора и царьградского населения, а болгарскому государству была отдана область Загорие. Все эти события имели большое значение для молодого болгарского государства, ибо давали возможность болгарам вмешаться во внутренние дела империи. Расплатившись за помощь, византийское правительство не только щедро вознаградило болгар, но и признало за их владетелем один из высших титулов империи. После мирного договора 681 г., согласно которому византийское правительство признавало новосозданную болгарскую державу и обязывалось выплачивать болгарам годовую дань,⁵⁸ события 704—705 гг. представили собою новое утверждение болгарского государства и создающейся болгарской народности на землях Балканского полуострова, до недавних времен подвластных империи. Именно в таком смысле нужно понимать слова Ивана Грозного, что «тогда убо болгарская вера и власть особь учиняшеся»; т. е. что к этому времени обособился болгарский народ (болгарская вера) и болгарская держава (власть). Едва ли слово «вера», использованное во многих литературных памятниках как синоним понятий «народ» и «язык», могло бы здесь толковаться в смысле церковь, вследствие чего признается, что «не ясно о каком отделении болгарской церкви» говорит Грозный,⁵⁹ когда хорошо известно, что официально болгарская церковь оформилась только после крещения в 865 г. Период с 695 по 717 г. характеризуется чрезвычайно бурными событиями внутри Византийской империи. Византийский престол последовательно занимают императоры Леонтий (695—698), Тиверий II Аспимар (698—705), потом снова овладевший властью Юстиниан II (705—711), Филипик Вардан (711—713) и, наконец, Анастасий II (713—715) и Феодосий III (715—717). Иван Грозный намекает именно на эти внутренние раздоры, когда пишет, что «епархом и суглиту и всем властелем не престающим о властех меж собя ратоватися».

⁵⁶ Послания, стр. 24.

⁵⁷ Подробности см.: В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, I, 1. София, 1918, стр. 162 и сл.

⁵⁸ Подробности см. у Ю. Трифонова (Известие о сирийския пресвитер Константина за Исперихова победа над византийците. — Известия на Историч. д-во, XI—XII, 1932, стр. 199—215).

⁵⁹ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 590.

Имена некоторых из этих владельцев упомянуты в его послании: он говорит о том, что «во царство Апсимарово и Филипиково и Феодосия Брады Адрамического, персом египетскую власть и Дамаск от грек изабладавшим».⁶⁰

К словам Грозного необходима только одна поправка. Как известно, непосредственно после побед императора Ираклия над персами и разгрома персидского государства начали свою экспансию арабы, и в скором времени Египет и Сирия оказались под их владычеством. Имея в виду продолжительные и ожесточенные войны болгар с Византийской империей Константина V Копронима (741—775),⁶¹ которого Иван Грозный называл «Константином Гноетезным», а также использование византийскими авторами слова «скифы» для обозначения болгар,⁶² нужно согласиться, что слова русского владельца «при Константине Гноетезном скифом отложившимся» относятся, вероятно, к болгарам, а не к другому народу.⁶³ Как раз в этот период, спасаясь от надвигающейся угрозы, они укрепляют свое государство. К первой половине IX в. относится отделение западных территорий Византийской империи и обособление государства Карла Великого. «По сем же Лва Арменина и Михаила Амморенина и Теофила — Рим со всею Италию от Греческаго царства отторжеса; избраша убо себе царя от латын Карула князя Латынскаго».⁶⁴

Многие из византийских хронистов обращают внимание на это обособление западных земель от Византийской империи, относя его, однако, к концу VIII и началу IX в.⁶⁵ Следуя этой византийской традиции, Иван Грозный приходит к еще более крайним выводам. Для него первая половина IX в. является эпохой наибольшего упадка Византийской империи. По его мнению, именно тогда обособились вместе с остальными сербы и болгары, создавая свои государства: «также же и сербом и болгаром, у себя властодержца поставившим и от Греческаго царствия отторгъшеся».⁶⁶ Это утверждение, вообще говоря, неточно. Кроме того, Иван Грозный пишет, что вследствие отделения сербов и болгар от империи Византия потерпела большой убыток: «от сего Греческому царствию злейшу разорению приходящу». Грозный говорит также о потерях империи во время царствования императора Михаила III (842—867) и его матери Феодоры: «Во царство же Михаила и Феодоры царицы благочестивых, божий град Иерусалим и Палестинскую землю и страны Финическия персы изобладаша; царствующему же граду во утеснении велице наченшу пребывати, и отъ всюду частыми находжени и бранными ратьми часто колеблющеся, епархом же и синклиту всему не престающе от всего своего злоперваго обычя и никако же о селице разорении царства промысла полагающе, но аки сонное мечтание сидевую погибель царству быти вменяюще».⁶⁷

Как видно из контекста, в нескольких строчках Иван Грозный постарался обрисовать положение Византийской империи с начала IX в. и

⁶⁰ Послания, стр. 25.

⁶¹ Подробности см.: В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, I, 1, стр. 200, сл.

⁶² См. указания в кн.: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, II. Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen. Budapest, 1943, стр. 237, § 5; М. Рајковић, Сборник радова, XXXVI, Византолошки институт, 2, 1953, стр. 34 и сл.

⁶³ Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 590. Я. С. Лурье сомневается, что это слово относится к болгарам.

⁶⁴ Послания, стр. 25—26.

⁶⁵ См., например: J. Hergenroeter. Monumenta graeca ad Photium eiusque historiam pertinentia. Ratisbonae, 1869, стр. 154 и сл.; J. Zonaras. Epitome histor., libri XIII—XVIII. Ed. Bonn, III, стр. 298, 15 и сл.; Cronica lui Constantin Manasses. Traducere mediobulgară. Ed. J. Bogdan. București, 1922, стр. 155.

⁶⁶ Послания, стр. 26.

⁶⁷ Там же.

вплоть до начала XIII в. Именно вследствие желания передать в сжатом виде эти события он и допустил существенную с хронологической точки зрения ошибку. Как известно, в 1077 г. Иерусалим захватили сельджукские турки, которые распространили свое владычество и над всем палестинским побережьем. Под именем персов в тексте Ивана Грозного нужно понимать сельджукских турок. Русский государь пользуется им, следуя византийским источникам или русским источникам, составленным под византийским влиянием. В византийской литературе,⁶⁸ как известно, сельджукских турок часто называют персами. Во второй части приведенной выше цитаты послания Ивана Грозного дается общая картина упадка Византийской империи XII в., причины неудач, однако, односторонне приписываются действиям епарха (возможно, намекается на градоначальника Царьграда) и византийского сената. Дальше в послании, после риторического отступления, автор дает новые подробности о положении империи: «Тако же убо отселе грекове во многие страны дани даяти начыша, а прежде убо сами дани взимаху; потом же, нестроения ради... сами даяти дани начыша». Утверждения Ивана Грозного, возможно, содержат намек на упадок морских сил Византии в XI—XII вв. и признание за большими итальянскими городами-республиками, прежде всего за Венецией и Генуей,⁶⁹ значительных привилегий. После изложения трудностей империи в начале XIII в. автор сообщает о взятии участниками Четвертого крестового похода Царьграда в апреле 1204 г.: «... таковому убо царствующему граду во утеснении велице пребывающу, даже до царства Алексея, нарецаемого Дуки Марцуфла, при нем же взят бысть царствующий град от фряг и пленен бысть зельнейшим пленением; и тако убо все благодение и красота греческие власти погиге».⁷⁰

Действительно, Царьград подпал под власть крестоносцев 13 апреля 1204 г. во время правления императора Алексея V Дука Мурцуфла, которому удалось удержать за собой трон всего на три месяца. О последних веках существования империи Иван Грозный упомянул только в нескольких строках: «Потом же Михаил Палеолог изгнал латин из царствующаго града, и паки убо во убожестве царство воздвигл, даже до лет царя Константина, нарецаемого Дрогаса, при нем же, грех ради наших, народа христьянсково безбожный Магмет греческую власть погаси, и, яко ветр и буря зельняя, вся без вести сотвори».⁷¹ Впрочем, здесь намекается на императора Михаила VIII Палеолога (1259—1282), взявшего 25 июля 1261 г. Царьград, которым во время императора Константина XII Драгаш овладел султан Мехмед II Завоеватель (29 мая 1453 г.).

Таким образом, в полемике с князем Андреем Курбским царь Иван Грозный дает чрезвычайно интересное толкование причин упадка Византийской империи, изложив в общем всю историю империи от самой ранней эпохи и до середины XV в. Сжатая и во многих отношениях вполне правдивая, эта картина византийской истории указывает на хорошее знание исторических фактов, иногда удивляющее своими подробностями. Несомненно, царь хорошо знал прошлое империи и в полемических целях приводил только отдельные моменты. Нужно отметить также тот факт, что для него история Византии представляется как естественное продолжение истории Римской империи. Именно потому он и прослеживает эти несколько страниц в процессе упадка империи, начиная с императора Окта-

⁶⁸ См. указания в кн.: Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica, II, стр. 216, сл.

⁶⁹ Ср.: G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates, стр. 284, 300, 309, сл.

⁷⁰ Послания, стр. 26.

⁷¹ Там же.

виана Августа и кончая последним византийским императором Константином XII. Обзор византийской истории использован в качестве красноречивого свидетельства и для доказательства основной идеи, которой руководствуется Иван Грозный в своей полемике с Курбским, а именно: утвердить первенство светской власти перед духовной, а также доказать отрицательные последствия сепаратных выступлений боярства против самодержавной власти и единства государства. После беглого обзора византийской истории Иван Грозный считает возможным сделать общий вывод: «Смотри же убо се и разумей,— обращается он к своему непокорному боярину,— каково управление составляется в разных начаях и властях, и понеже убо тамо (т. е. в Византии, — *И. Д.*) быша царие послушные епархом и сигкли-том, и с какову погибель приидоша. Сия ли убо нам советуеши, еже в тако-вей погибели приитти? И се ли убо благочестие, еже не строити царьства, и злодейственных человек не взустити и к разорению иноплеменных по-дати? Или речеши ми, яко святительская поучения тако приимаху? Благо и прикладно! Но инсе же свою душу спасати, и иное же многими душами и телесы пещися: ино убо есть постническое пребывание, ино же во общем жи-тии сожитие, ино же святительская власть, ино же царьское правление...»⁷²

Писания Ивана Грозного о Византийской империи заслуживают осо-бого внимания не только как свидетельство больших знаний государя в области истории Византийской империи. Не менее важен и критический ха-рактер отношения русского государя к истории Византии. Очевидно, что для него Византийская империя не являлась непогрешимым образцом го-сударственного управления, которому нужно слепо следовать. Это крити-ческое отношение с особой ясностью показывает — в противовес некоторым утверждениям, связанным с теорией «Москва — третий Рим», — каким об-разом воспринималось в старом Русском государстве политическое и куль-турное наследие Византии.

Иван Грозный обнаруживает познания не только в политической исто-рии Византийской империи. В его посланиях упомянут целый ряд визан-тийских писателей и литературных памятников, причем из них сделаны довольно большие выписки.

Так, например, он многократно цитирует Григория Назианзина, или Богослова (329—390),⁷³ делая довольно пространные выписки из его сочи-нений. В одном месте послания в Кирилло-Белозерский монастырь он при-водит цитату из «иноческих правил» Василия Великого (330—379).⁷⁴ Иван Грозный знаком также с сочинениями Иоанна Златоуста (354—407) и использует, вероятно, его житие.⁷⁵ Бегло упоминает он имя Афанасия Александрийского (295—373).⁷⁶ Русскому государю знакомо также одно послание, вообще говоря, малоизвестного ранневизантийского церковного деятеля Василия Амасьского (умер приблизительно в 332 г.).⁷⁷ Он цити-ровал большие отрывки из жития Илариона Великого (умер в 371 г.).⁷⁸ Знал также и житие египетского отшельника Онуфрия Великого (IV—V вв.).⁷⁹ Он делает ссылки и на известную «Лествицу» Иоанна Лествич-

⁷² Послания, стр. 27.

⁷³ Послания, стр. 44 и сл., 51 и сл., 69 и сл., 104 и сл., 116 и сл., 129 и сл., 542.

⁷⁴ Послания, стр. 180. Этот же текст см.: P. Lavrov—A. Vaillant, Les feuil-lets du Zograph. Paris, 1930 (Textes publiés par l'Institut d'Etudes slaves, I).

⁷⁵ Послания, стр. 19, 80, 137; ср. также прим. 25 настоящей статьи.

⁷⁶ Послания, стр. 19, 80, 137.

⁷⁷ Послания, стр. 166, 168. Об этом авторе см.: K. Krumbacher, Geschichte der byzantinischen Litteratur, стр. 205, § 5; Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxellis, 1909, стр. 37.

⁷⁸ Послания, стр. 164 и сл., 181 и сл., 189, 564—565.

⁷⁹ Послания, стр. 189.

ника (525—600).⁸⁰ Иван Грозный был знаком также с повестью о Варлааме и Иоасафе.⁸¹ Из южнославянской литературы ему известно житие сербского архиепископа Саввы⁸² (умер в 1235 г.). В посланиях дано довольно много больших и малых цитат из книг Писания — Библии и Нового Завета. Необходимо сравнить эти цитаты с первоисточниками.⁸³ Несомненно, что цитаты из Писания — особенно более обширные — цитированы не по памяти, а на основании соответствующих текстов. Изучение цитат дает возможность сделать интересные выводы. Так, в первом послании к Курбскому⁸⁴ находим довольно большую цитату из Послания Иакова (III, 1—18; IV, 1—4, 8, 11—12). Текст цитируется дословно. Сделаны только мелкие пропуски и выброшены разделы, которые Грозный счел лишними. В том же послании дан небольшой отрывок из второго послания Тимофею (III, 1—9), при этом текст немного сокращен в шестом стихе.⁸⁵ В начале послания даны две другие цитаты, именно из Послания к римлянам (XIII, 1). Вообще, он дает цитаты точно, но в известных случаях сокращает их и сочетает в свободном виде сообразно своим целям. Некоторые краткие тексты даны по памяти.

Удивительное знание византийской политической истории и отдельных византийских литературных памятников подтверждает поистине «изумительную эрудицию и богатство памяти» Грозного.⁸⁶

Имея в виду эти наблюдения и выводы, мы можем оценить две цитаты из послания Грозного Андрею Курбскому, которые вызывают некоторые сомнения. Так, в списке Археографической комиссии первого послания Курбскому читаем: «А еже убо не хоцещи молчати, но всегда проповедати на нас пребезначальной троицы и пречистой владычицы богородице и всем святым, — воспомани же к сему, окоянные, аще бы праведне молился еси, рече на нас в послании божественнаго о Поликарпе епискупе: „И аще хоцещи и божественнаго видения, святаго некоего мужа воспомянем, и да не посмеешися, истинно бо хоцю рещи. Бывшу ми некогда в Крите, священней странноприят мя Карп мужь, и аще кто другия многия ради чистоты ума к боговидению прикладнейша, ибо ниже святыя тайны, службы начинаше не прежде тамо в предочистительных молитвах священному благосродному видению явльшеся. Глаголеши бо, яко оскорбльшу его некогда от неверных некоему; скорбь же убо, яко от церкви он некоторого ко безбожию прельсти, еще иларионьским днем от того совершаемом. Потреба бяше от обою боголепне по милости бога и спаса помощника приемшу, овогда убо возвратити их, но все дни прежде сего пострадав. Не вем, како тогда многое озлобление некоторое и горесть показав, возлеже спати, убо сиче злая имея (вечер бо бе); о полунощи же (обыче бо в то время сам в себе божественным пением бодрствовать) востает убо, ниже снов самех многих сущих и присно присецаемых вне смущения насладився. Стоя же, обаче, в божественней беседе, неблагочестивне скорбяще и тужаще: не быти праведно, глаголя, аще живи будут мужие безбожнии, развращающа пути господня правыя. Глаголя молящеся богу: пожжением неким но обою в конец немилостивне улишити живота. Сия же рече, глаголаше, славу видети; внезапно же дому, в нем стояше, поколебавшуся, первые и з верха две половины разделившуся, и некое огневство много-светлое, спреди ему, и то (мняше бо прочее бес покрова места) от небес-

⁸⁰ Послания, стр. 16, 78, 134, 174, 178; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 635.

⁸¹ Послания, стр. 174; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 365.

⁸² Послания, стр. 174; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 636.

⁸³ Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 600, 635.

⁸⁴ Послания, стр. 21—22.

⁸⁵ Послания стр. 22, 12.

⁸⁶ Д. С. Лихачев. Иван Грозный писатель, стр. 462.

ных страны, даждь до того доле носимое. Небо же само откровенно, и на рамени небесном Иисуса, безмерным человеком виде и ему предстоящим аггелом. И сия убо свыше зритца и тамо удивитися. Долу же преклонься, Карп видети, рече, в земли самое зелную некую пропасть и темную разседшуся; и мужи убо оны, их же кленяше, пред ним на устех стояти пропасти, трепетных и умиленны, елико нес носимыя от своих ног непостояния. Э долу же от пропасти змием восполозовати, а ногами их подвизати. Когда оттязатися, со обращающимся вкупе и отегчевающим и влекущим; когда зубы ли опашми биющим, или скоктающим, всегда в пропость воврещи козньствующих. Быти же и мужем неким посреди змии, на мужие встающим, колеблшим вкупе и пореблющим и биющим; мняху же быти ко яже пастися оной, убо не хотяще, ово же хотяще от зла помалу понуждем вкупе и повинуемы. Глаголаше бо Карп, себе радоватися доле зряще, горких же не бреши. Стужати же и пренемогати, яко не подоша уже, и вещью многажды на них встающих, и изнемогаша, и скорбети и кляти. И возникъше егда видети убо паки небо, яко же и первие видети, Иисуса же помиловавше бывшее, востати с небесного престола, и даждь до тех встающего, и руки благуя подати, и аггелом ему сопримемлюще иному отинюду держати мужи; и рещи Карпу, Иисусови руже убо простерто: Бий мене прочее, готов бо емь и паки за человеки спасаемыя пострадати, и любезно ми се есть, не иным согрешающим человеком; обаче зри, аще добре имаши и ты, еже в пропасти со змиями пребывание заминяти же з богом и благими и чело-веколюбивыми аггелом. Сия суть, яже аз слышах. Верую истинна быти". И аще убо такова праведна и свята мужа и праведне молящеся на погибель не послуша аггельский владыка, кольми же паче тебе, пса смердяща, злобеснаго изменника, неправедне на злую волю молящеся, не послушает. . . »⁸⁷

В краткой редакции первого послания Ивана Грозного Курбскому этот отрывок дан в сильно сокращенном виде.⁸⁸ В переводе на современный русский язык переводчик отметил только следующее: «Следует рассказ Дионисия Ареопагита и сходный с ним другой рассказ о святом муже, молившемся против грешников, молитву которого не принял Христос».⁸⁹ В послании Ивана Грозного после указанной длинной цитаты следует еще один отрывок сходного содержания: «Великого священномученика Поликарпа видение, еже молящеся на еретиков, иже сметевших божественную службу, о погибели их. И како виде не яко во сне, но явственно, на молитве стоя, аггельскаго владыку, на плещу херувимскую сядяще, и земли убо зинувше пропастию великою, змию оттуду страшно дыхающу; онем же яко осужденником руже опаки связаны имуще и х пропасти оно влеком, иже ини поползновение бяху, еже в пропасть сорну впасти. Святому мужу Поликарпу тако от зелныя ярости гнева разжегся, оставивше ему пресладкого ми Иисуса видения, и прилежно смотрящи погибели муж оных. Тогда убо аггельский владыка с плещу херувимскую сниде и ем мужий оных за руку, плещи же свои представи Поликарпа и рече: „Аще сладко ти есть, Поликарпе, бий мя, понеже и преж сих ради плещи свои вдах на раны, да вся в покойние вмещу. И аще убо такова праведна и свята мужа, праведне молящася на погибель, не послуша аггельский владыка, кольми же паче тебя, пса смердяща, злобеснаго изменника, неправедна, на злую волю молящуся не послушает. . . “»⁹⁰

Как видно, этот второй текст по содержанию и стилю повторяет данную непосредственно перед этим цитату. Нет ли здесь, в сущности, повто-

⁸⁷ Послания, стр. 57—59.

⁸⁸ Послания, стр. 133—134.

⁸⁹ Послания, стр. 325.

⁹⁰ Послания, стр. 59.

рения, возникшего благодаря особенности переписки? Я. С. Лурье отвечает на этот вопрос отрицательно: «Дальнейший рассказ отличается некоторой композиционной запутанностью: в доказательство недопустимости „молится за погибель“ кого бы то ни было, царь приводит два сходных рассказа о „святых мужах“ Карпе и Поликарпе, дважды сопровождая их одинаковым заключением... Вряд ли можно, однако, считать эту композиционную запутанность (встречающуюся, как мы увидим, и в списках хронографической редакции) делом рук переписчика списка Археографической комиссии: соединение двух сходных рассказов и повторение одинакового заключения могло иметь место и в оригинале послания Грозного».⁹¹ Далее в объяснительных записках исследователь еще раз повторяет свою мысль о «композиционной запутанности» этого места в послании Ивана Грозного.⁹² Еще большее затруднение эта часть создала для Я. С. Лурье в связи с его толкованием и отождествлением использованных источников. Указывая коротко⁹³ на то, что «притча о Карпе» была взята из приписываемого Дионисию Ареопагиту «Послания к Димофилу»,⁹⁴ причем в русском переводе,⁹⁵ комментатор добавляет: «Происхождение второй притчи менее ясно». Как сам Я. С. Лурье напоминает, давно уже высказано мнение,⁹⁶ что героем второй притчи нужно считать известного архимандрита Печерского монастыря Поликарпа (XII в.).

Немецкий ученый Штелин, принимая предположение о тождестве упомянутого Поликарпа с архимандритом Печерского монастыря Поликарпом, добавляет, что, в сущности, в послании русского государя даны два варианта одного и того же рассказа.⁹⁷ Я. С. Лурье вполне правильно возражает⁹⁸ этим предположениям, заявляя, что если их принять, «то получится абсурдный вывод, что в византийском сочинении V—VI вв. н. э. шла речь о киевском архимандрите XII в.». В то же время он отмечает, что в краткой редакции послания Ивана Грозного прямо указывается, что отрывок взят из «послания божественного Дионисия о Поликарпе Измирском»⁹⁹ и, следовательно, принадлежит тому же Дионисию Ареопагиту. Здесь советский исследователь с сожалением добавляет, что «в отличие от истории Карпа история о Поликарпе не обнаруживается в известных нам сочинениях Ареопагита — ни в русском переводе в Четьих-Минеех, ни в греческом тексте». После всех этих замечаний исследователь заключает: «Каким образом в послании Грозного оказались рядом два варианта одной притчи, сказать трудно. Поскольку такое удвоение имеется в разных группах списков, следует думать, что оно раннего происхождения и может быть сделано самим Грозным или кем-либо из лиц, помогавших ему в составлении послания (вставлявшим цитаты по указанию царя)».¹⁰⁰ Некоторые пояснения относительно обоих вариантов даны также и в археографическом обзоре посланий Ивана Грозного.¹⁰¹ Так, в списке послания «сборника князя Курбского» излжение этого места текста сокращено, причем первая притча о Карпе вообще пропущена и, наоборот, со-

⁹¹ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 543.

⁹² Там же, стр. 546.

⁹³ Там же, стр. 608.

⁹⁴ Migne, P. Gr., III (1857), столб. 1083—1100.

⁹⁵ ВМЧ, октябрь, 1—3. СПб., 1870, стр. 764—767 и 788—790.

⁹⁶ Н. Устрялов. Сказания кн. А. Курбского. СПб., 1868, прил. 293.

⁹⁷ K. Stählin. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürst Kurbskij. Leipzig, 1921, стр. 95, прим. 85; ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 608.

⁹⁸ Ср.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 608—609.

⁹⁹ Послания, стр. 133.

¹⁰⁰ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 609.

¹⁰¹ Я. С. Лурье. Археографический обзор. — Послания, стр. 552.

хранен только рассказ о Поликарпе. Немецкий ученый К. Штелин,¹⁰² рассматривая спорное место с помощью сопоставления разных редакций послания, высказывает мнение, что список послания, сохранившийся в «сборнике Курбского», следовало бы считать более близким к первоначальной редакции и, с другой стороны, что притча о Карпе представляет собой только постороннее, очевидно более позднее, добавление к первичному тексту. У Я. С. Лурье мнение прямо противоположно. С его точки зрения, «рассказ о Карпе и Поликарпе в К (т. е. по списку Археографической комиссии) при всей своей композиционной сложности, несомненно, ближе к первоначальному тексту Грозного, чем в „сборниках Курбского“».¹⁰³ Я. С. Лурье считает, что «литературно сглаженный рассказ о Поликарпе в „сборнике Курбского“ — плод редакторской работы: имея перед собой не удовлетворявший его по той или иной причине текст (может быть, такой, какой мы читаем сейчас в ХСУ),¹⁰⁴ редактор подверг его стилистической правке». Как видно, намечаются два различных толкования этого места в послании Грозного. Несомненно, вопрос может быть решен только в том случае, если мы обратимся к использованным первоисточникам, из которых был почерпнут или мог бы быть почерпнут тот или иной текст — притча о Карпе и Поликарпе. Вообще, как уже сказано,¹⁰⁵ притча о Карпе взята, вероятно, посредством старого русского перевода из послания к Димофилу, которое приписывают Дионисию Ареопагиту. Это послание, по-видимому, особенно нравилось русскому государю, потому что и в другом месте своего послания Андрею Курбскому он использовал из него довольно значительные отрывки.¹⁰⁶ Однако совершенно новый элемент выступает из краткой редакции послания Ивана Грозного, когда там специально говорится по поводу спорной цитаты: «В послании божественнаго Дионисия о Поликарпе Измирьскаго видение. . .»¹⁰⁷ После того как составитель или переписчик краткой редакции поставил в начале имя Поликарпа, он вводит его и в самый текст, замещая им имя Карпа. Напротив, в списке Археографической комиссии читаем, что этот текст был открыт в «Послании божественнаго (Дионисия, — И. Д.) о Поликарпе епискупе».¹⁰⁸ Нужно сразу отметить: в противоположность мнению о том, что здесь речь идет об архимандрите Поликарпе из Печерской лавры, в данном отрывке, в сущности, упомянут известный епископ малоазийского города Смирны Поликарп, умерший в 156 г. как христианский мученик.¹⁰⁹

В связи с жизнью и деятельностью мученика Поликарпа Смирненского в патристической литературе сохранились несколько чрезвычайно важных текстов, а именно: одно житие, один рассказ о его мученичестве и одно послание, отправленное жителям македонского города Филиппии.¹¹⁰ Ни в одном из сохранившихся текстов, связанных с епископом Поликарпом

¹⁰² K. Stählin. Der Briefwechsel Iwans des Schrecklichen mit dem Fürst Kurbskij, стр. 95, п. б.

¹⁰³ Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 552.

¹⁰⁴ Т. е. Хронограф: Ф. IV. 165, о Степенной книге и Уваровском списке; см. у Я. С. Лурье (Комментарий, стр. 546).

¹⁰⁵ Я. С. Лурье. Комментарий, стр. 608

¹⁰⁶ Послания, стр. 63 и сл., 110 и сл.; ср.: Я. С. Лурье. Археографический обзор, стр. 531. Текст взят из перевода ВМЧ (октябрь, 1—3. СПб., 1870, ст. 759); ср. также стр. 552, 553.

¹⁰⁷ Послания, стр. 133.

¹⁰⁸ Послания, стр. 57.

¹⁰⁹ О нем см.: В. Altaner. Patrologia. Torino (1952), стр. 67—69; Н. Delehaye. Les origines du culte des martyres. Bruxelles, 1933, стр. 35, 40, 42, 43, 145, 152, 267 и др.

¹¹⁰ F. K. Funk. Patres apostolici, I. Tubingae, 1901, стр. 296—313, ср. стр. LXXXVIII—XCIX; 314—345, XCIX—CVI (Martyrium Polycarpi); II (1901),

Смирненским, однако, не упоминается видение, о котором говорится в послании Ивана Грозного. Невероятно предполагать, что в старославянской литературе сохранился какой-нибудь текст, утерянный в византийской литературе, в котором бы говорилось о видении. Может быть принято только одно объяснение, а именно, что в данном случае мы имеем простое повторение видения отшельника Карпа, жившего на Крите, о чем говорится в послании к монаху Димофилу. Вероятно, причиной смещения является упоминание в послании Дионисия Ареопагита имени Карпа, которое, может быть, было неизвестным.¹¹¹ С другой стороны, седьмое послание Псевдо-Дионисия Ареопагита было отправлено именно смирненскому епископу Поликарпу.¹¹² Наличие подобного послания стало причиной того, что, переписывая упомянутый текст, по ошибке вместо послания к Димофилу указали один раз, что извлеченный текст взят из послания к епископу Поликарпу. Если подобная ошибка была допущена, то в дальнейшем было уже гораздо легче отождествить имена Карп и Поликарп, приравняв первое к имени известного малоазиатского мученика. Зная, насколько точно и хорошо был осведомлен Иван Грозный, нужно ли ему приписывать контаминацию имен и вообще всю допущенную ошибку? Несомненно, что ошибка сделана очень рано по времени, раз находим ее в лучших списках. Чтение о «сборнике Курбского» нужно считать в противовес К. Штелину более поздним осмыслением текста.

Изучая познания Ивана Грозного в области византийской истории и византийской литературы, необходимо далее точно установить и использовать им первоисточники и проверить, все ли было использовано в переводах или в некоторых текстах он каким-то путем добрался до самых первоисточников. Все это раскроет нам важное явление в истории русской культуры XVI в., воплощенное в лице одного из самых видных политических деятелей того времени.

стр. 291—336 (Vita Polycarpi); A. Hilgenfeld. *Ignatii Antiocheni et Polycarpi Smyrnaei epistulae et martyria*. Berolini, 1902, стр. 44—51, 51—55, 56—70, 106—112, 113—121; Migne, P. Gr., V, (1857), стлб. 717—728, 857—872, 961—964, 1005—1046.

¹¹¹ *Bibliotheca hagiographica graeca*, стр. 44. Известен только мученик Карп, умерщвленный вместе с Палилом и Агатоником в Пергаме во времена императора Деция (249—251). Его память отмечается 13 октября.

¹¹² Migne, P. Gr., III, стлб. 1077—1082. Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита получили широкое распространение среди славян во времена средневековья. Так, из письма Анастасия Библиотекаря от марта 875 г. к Карлу Плешивому (840—877) узнаем, насколько высоко Константин-Кирилл, апостол славян, ценил сочинения названного писателя (см.: *Monumenta Historiae Germaniae, Epistolae VII, Karolini aevi V*, стр. 433, 17—26; ср.: А. Теодоров-Балан. Кирил и Методи, II. София, 1934, стр. 248). Заслуживает внимания тот факт, что еще до того, как Анастасий Библиотекарь послал упомянутому французскому королю рукопись с сочинениями Дионисия Ареопагита, византийский император Михаил II весной 824 г. передал императору Людвигу Благочестивому (814—840) рукопись с текстами этого писателя (см.: *Fr. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, I. München—Berlin, 1924, стр. 50, № 408*). В 1371 г. святогорский монах Исая по поручению сербского митрополита Феодосия переписал сочинения Дионисия Ареопагита; он и сделал перевод его сочинений. (См.: Л. Стојановић. Стари српски записи и натписи, III. Београд, 1905, стр. 41—44, № 4944; Йорд. Иванов. Български старини из Македонија. София, 1931, стр. 225—227; Ив. Дуичев. Из старата българска книжнина, II. София, 1944, стр. XXVII, 174—176, 390—391; см. также: А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, I. М., 1866, стр. 202—203; А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842, стр. 161. О тексте монаха Исаи см. также в моей статье: *Byzantinoslavica*, XIV, 1953, стр. 22—23). Болгарский патриарх Евфимий Тырновский (1375—1394) в своем послании к монаху Никодиму Тисменскому дал цитату из Дионисия Ареопагита (см.: Е. Каłużняскі. *Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius*. Wien, 1901, стр. 221—222; см. также другие цитаты из первого послания; *Werke*, стр. 211—212; ср. также: Хр. Ив. Попов. Евтиний, последен търновски и трапезицки патриарх. Пловдив, 1901, стр. 203 и сл.).